

© Е. Н. ЭРТНЕР

Тюменский государственный университет
elena_ertner@mail.ru

УДК 821.161.1.09

**ЖАНРОВАЯ ПОЭТИКА РОМАНА
Н. А. ЛУХМАНОВОЙ «В ГЛУХИХ МЕСТАХ»**

**N. A. LUKHMANOVA'S NOVEL «IN REMOTE PLACES»:
GENRE IDENTIFICATION**

В статье исследуется жанровая поэтика романа Н. А. Лухмановой «В глухих местах» (1895). Обращаясь к проблемам жанровой динамики русского романа конца XIX — начала XX вв., автор рассматривает процессы жанрового взаимодействия романа и очерка, обусловившие возникновение особой модификации романной формы. Важно, что проблема жанрового взаимодействия решается на основе исследования региональной прозы конца XIX в.: роман «В глухих местах» принадлежит к «тюменскому тексту» русской культуры. Исследование особенностей сюжетной организации, способов художественной репрезентации системы персонажей, повествовательной структуры и пространственно-временных отношений позволяет выявить очерковые и романские принципы создания текста интегративной поэтики.

The article considers the genre poetics of the novel «In remote places», written by N. A. Lukhmanova (1895). Addressing the problems of genre dynamics, typical for the Russian novel of the end of the 19th — early 20th centuries, the author observes the interaction between the novel and essay genres, the process that contributed to the emergence of the special modification of the novelistic form. It is important to note that the problem of genre interaction is treated in the frames of regional prose study: the novel under consideration «In remote places» belongs to the so-called «Tyumen text» of Russian culture. The study of the main characteristics of plot organization, the ways of artistic representation, the system of characters, narrative structure and spatial-temporal relations allows to identify the essay and novel principles of the integrative text poetics.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Жанровая поэтика, роман, жанровая динамика, интегративная поэтика, региональная литература.

KEY WORDS. Genre poetics, novel, genre dynamics, integrative poetics, regional literature.

Роман известной в конце XIX — начале XX вв. писательницы Надежды Александровны Лухмановой «В глухих местах» (1895) [1] интересен с точки зрения материала «Тюмень эпохи восьмидесятых годов XIX века»: действительные события, условия жизни, характеры, прототипами которых явились местные промышленники, духовенство, интеллигенция, люди из народа [2], [3], но в большей степени заслуживает внимания жанровая природа произведения. «В глухих местах» Н. А. Лухмановой представляет особую модификацию романной формы, возникающей на основе жанровой диффузии очерка и романа.

Актуальность исследования определяется назревшей в науке необходимостью изучения процессов жанровой динамики романа в русской литературе рубежа XIX-XX веков. Кроме того, вовлечение региональной прозы в научный оборот позволяет познать явление национального искусства через конкретное, «местное», своеобразное, определить его роль и значение в общенациональном, выявить художественную самобытность «сибирского романа».

Методологической основой изучения проблем жанровой динамики русской прозы явились исследования М. М. Бахтина [4], Д. С. Лихачева [5], Г. М. Фридлендера [6], И. А. Дергачева [7], В. А. Гусева [8], Э. И. Коптевой [9] и других. Обновление жанра романа возникает только на основе его трансформации, что происходит при активном взаимодействии с другими жанрами. Русский роман конца XIX начала XX века активно осваивает «завоевания» других жанров. Так, В. А. Ахундова, исследуя произведения А. П. Чехова «Три года» и «Моя жизнь», характеризует их как «новую модификацию жанра — роман лирический» [10, с. 277]. Как обновление жанровой поэтики романа учеными рассматривается расцвет автобиографической прозы и символистского романа начала XX века [11].

Одним из путей перестройки жанровой системы того времени, как отмечает И. А. Дергачев, явился «синтез таких двух жанров, как очерк и роман» [7, с. 7]. Проза конца века с этой точки зрения почти не изучалась, однако исследование этого «типологического русла» «эпоса нового времени» помогло бы не только исследовать литературный процесс рубежа эпох, но и стать предметом изучения национальной формы романа (одной из многих) в ее динамике.

Н. А. Лухманова, подобно многим писателям конца XIX века, ощущала необходимость выйти за рамки стандартизовавшегося романа «частной жизни». Стремление понять новые задачи времени, преодолеть кризис романного жанра и способствовало появлению романа «В глухих местах».

Попытка в названии произведения определить границы жанра осуществляется в подзаголовке: «Очерки из жизни в Сибири», а затем в предпосланном замечании: «Из личных воспоминаний автора, пробывшего пять лет в “глухих местах”». Автор ориентирует читателя на восприятие картины жизни в произведении как подлинной, действительно бывшей — начало в прозе тех лет весьма распространенное (романы А. И. Эртеля, Д. Н. Мамина-Сибиряка, Н. С. Лескова, А. М. Федорова и др.). Интересно, что в критике конца XIX века произведение Лухмановой именуется то романом, то очерками. Неоднозначность

определения жанра книги представляется закономерной: в ней заметно взаимодействие, синтез двух во многом противоположных жанровых структур романа и очерка.

Принципы, организующие роман как жанр, в произведении Н. А. Лухмановой «В глухих местах» выделить достаточно легко: велик размах отраженных явлений действительности, сохраняется традиционный сюжет-интрига, строящийся на индивидуальных судьбах людей, столкновениях характеров, в нем развивается множество сюжетных линий, оно густо населено, взаимосвязь между главами крепка, о чем свидетельствует движение сюжета, наличие сквозных персонажей (в том числе эпизодических), активно изобразительное начало.

И в то же время тип романа в классическом его понимании необычен из-за вторжения элементов иной жанровой структуры — очерка. Влияние очерка стало возможным благодаря кризису утвердившейся концепции мира и личности, исчезновению доверия к обобщающим, «универсальным» теориям, возникшим в противовес стремлению следовать жизненной правде, как бы совершенно не преобразованной воображением и вымыслом писателя. В названном направлении в 90-е годы работают многие художники. Роман, насыщенный очерковым началом, развивается как форма в творчестве А. Погорелова («Перед грозой»), В. Светловидова («На шахте»), А. Федорова («Степь сказала» и «Земля»), Д. Мамина-Сибиряка (романы «уральской летописи» «Хлеб», «Золото», «Три конца») и достигает подлинных высот художественности в «Воскресении» Л. Толстого.

Очерк противостоит роману по своему жанровому содержанию, определяющему своеобразие трактовки характеров, принципы типизации. Если типизация романного уровня тяготеет к моделированию личности, ее сложных отношений с миром, и в центре повествования герой со своим кругом действий и чувств, то очерковая прямо не связана с образом героя — скорее, это авторское понимание действительности, носящее изыскательский характер. Так, в романе Н. А. Лухмановой «модель личности» заменена «моделью действительности».

Писательница воссоздает социально-экономический этап вторжения капиталистических отношений в сибирскую действительность: рост заводов, выдвигание и разорение заводчиков, строительство «чугунки» — явления, обострившие внутренние процессы, положение низших слоев общества. С одной стороны, они обрисовывают своеобразие социально-психологических последствий развития страны в сибирском варианте, а с другой — представляют часть истории России. Перед читателем не отрезок времени, но внутренне законченная картина действительности того времени.

С высоты этой позиции в романе исследуются конкретные обстоятельства и судьбы людей. Личность прочно занимает место в структуре социального конфликта, все персонажи (от главного до второстепенного) оцениваются автором как факт социального мира. В произведении приведены многообразнейшие общественные типы: у каждого своя линия, закреплённая в сюжете, при этом

многие из них самостоятельны и не оказывают влияния на другие (жизнь Пашенки, Ивановского монастыря, сюжетная линия инженера Вязьмина и др.). Обособлены истории семейств Крутороговых, Овечкиных, часто неизвестно, как разрешаются сюжетные линии, ибо предмет интереса писательницы в ином — создании общей картины жизни. Она открывается в смене трагических и драматических ситуаций, существовании и столкновении ярких человеческих характеров.

Ориентация на создание картин социально-экономической жизни страны заставляет Н. А. Лухманову внимательно вглядываться в сферу бытия и быта человека. Личность в романе предстает как «элемент», воплощение уклада, конкретное его проявление. Книгу открывает подробнейшее описание дома кожевенного промышленника Круторогова, при этом весьма часты замечания повествователя: «как и во многих домах сибирских заводчиков», «свойственное купеческой семье» и т. д. Дом Крутороговых — часть целого, часть повторяющегося, а также олицетворение условий жизни и отношений определенной социальной группы.

Внутренние связи между главами намечены при помощи создания коллективного портрета обитателей Тюмени. Ложь, тайный разврат, лицемерие, темнота, религиозные изуверства царят в городе. Нравственной чистоты нет нигде, все равные участники в комедии жизни, и принцип един: «кто кого съест». Одна психология у служительниц Пашенки, монастыря, разорившегося Емелькина, сыновей Крутороговых и др.

Эволюция героя романного типа заменена в произведении Н. А. Лухмановой «В глухих местах» противостоящей ей статикой образа, что отличает очерковую прозу. В романе глубина и полнота обрисовки характера достигается за счет воплощения целой галереи персонажей, обладающих устойчивыми чертами. Таким образом, в произведении можно выделить несколько характерологических рядов. Портрет складывается из многих индивидуальных характеров, что усиливает эффект образа.

Ядро группового портрета не меняется при движении времени вперед. В этом плане показательна параллель «отцы-дети». Остаются неизменными те качества, на которых держится характер, но трансформация общественного устройства в какой-то мере влияет и на личность. Если в Круторогове старшем были хоть какие-то здоровые начала (чтобы в «люди выйти», пришлось ему много трудиться), то сыновья Иван, Александр и Яшенька «выжмут богатство насилем и обманом» [1, с. 242]. По существу, в произведении изображен один и тот же социальный тип в разных временных и общественных обстоятельствах.

Деградация нравственного мира подчеркнута и в портретах героев. Бросается в глаза физическое вырождение династии Крутороговых: мощь Артамона, главы семьи, противопоставлена слабости Ивана, золотушному виду и болезненности Якова, неказистости Александра. Очерковый принцип — через внешнее, «видимое» к внутреннему — сохранен в произведении.

Динамика образов достигается не на основе эволюции каждого, а только на основе развития социальной группы, что, по признанию литературоведов, является изначальной принадлежностью жанра нравоописательного очерка.

Наконец, о последовательности типизации можно судить на основании высказываний персонажей. В очерке это «голос» персонажа как представителя среды, это голос, восходящий к языку социальной группы. В романе «В глухих местах» сказывается тяготение к употреблению устойчивой фразеологии, к элементам стилизации, что в целом отличает речь персонажей от более глубокой речевой индивидуализации героев романного типа.

Сюжет произведения Н. А. Лухмановой исчерпывает не характер, как в романе, а полнота проявления важнейших черт изображаемых нравов, как в очерке. Сюжетное время не столько отражает процесс, сколько моменты общественной жизни. События в романе не вытекают одно из другого, «органическое» течение сюжета нарушено: не сохранена хронология событий, они «выхвачены» в беспорядке из потока времени (семейная драма в доме Овечкиных, «отчуждение» (снос) пристанской улочки под строительство «чугунки», разбой варнаков в тайге и т. д.).

В структуре романа важную роль играют вступительная и заключительная главы, ибо именно они позволяют «замкнуть ассоциации в одном кольце», выступая в качестве своеобразного «ключа» к прочтению романа. Начинается и заканчивается действие описанием событий в доме Крутороговых. Стремительный внешне, но анемичный внутренне круговорот жизни возвращает нас в финале к целостной картине сна и застоя. Приоткрылась жизнь обывателей за высокими заборами: «Вечерело. Угрюмый кожевенный город Тюмень стихал. Степенные обитатели его, покончив с делами на заводах и заводешках, в магазинах и лавчонках, раскинули умом на барышах, пересчитали выручки, поучили собственноручно приказчиков и заводских, коли кто того стоил, и засели по домам за сытный ужин...» [1, с. 245]. Автор указывает на относительность в движении времени: события развиваются со времени обеда у Крутороговых и исчерпываются ужином и сном. Жизнь бурлила, зима сменилась летом, кипели страсти, но как будто бы ничего не было, а лишь протекли часы от сытного обеда до обильного ужина.

Тем не менее намечилось и качественное изменение в истории города. Где-то там в России, время идет вперед, влияя на провинциальные отношения. Вернувшиеся после завершения учебы в Петербурге дети — «пионеры науки», «ядро местной цивилизации» [1, с. 242] — казалось бы, несут с собой обновление жизненного уклада, но далеко не в лучшую сторону. Круг замыкается: дети прямые наследники отцов. Иронию по отношению к «детям» сменяет почти сочувственное отношение автора к Артамону Круторогову: Лухманова акцентирует внимание на изменениях в самом буржуазном укладе, на его качественной стороне.

Писательницей используется столь свойственный очерку принцип свободной композиции. Так, в роман введена глава, сюжетно не связанная с повествовани-

ем. В ней автор объясняет законы старообрядческой веры, обращаясь к событиям пятидесятилетней давности. Включение в роман главы «Почему у Глазихи в подполье жила душа ее деда» способствует акцентированию характерологических переключек, проявляет «прораствание времен друг в друга». Так, выстраивается характерологический ряд героев, воплощающих нравственный идеал автора (Фелицата Овечкина, Парамон Глазов).

Важнейшим в тексте становится «мотив ухода». Уходит в волшебный, царственный лес, засыпая и замерзая в нем, Фелицата, впервые после разыгравшейся семейной драмы ощутившая успокоение («Ивановский монастырь»). Не выдержав предательства близких, уходит, порывает с миром людей Парамон, становясь лесным отшельником. Отправляется в странствие по скитам Илья Орешков, где также природа принимает и исцеляет его. Бунт этих героев не затухает под воздействием внешних обстоятельств, ищет выхода. Личность, не смиряющаяся с тиранией, с безнравственностью человеческих отношений, как явление, противостоящее лживому, алчному миру, вызывает симпатии Н. А. Лухмановой. Композиционный прием «примыкания», содержащий черты публицистичности, возникший в поэтике очерка, в романе писательницы служит важнейшим принципом воплощения авторской позиции.

В произведении «В глухих местах» характеры представлены в связи с проблемой развития капиталистических отношений, их влияния на психологию людей и с авторским личным ощущением этой проблемы. Эта-то «интервенция логики» и трансформирует жанр романа.

Важнейший способ жанрового задания, природа авторской позиции и характер ее воплощения в произведении Н. А. Лухмановой также своеобразны. Писательница намеренно нарушает присущую роману двойственность авторской позиции, различную по отношению к герою и окружающей его среде, сохраняя общность критерия оценки сторон, как это бывает в очерке. Автор произведения не препятствует читателю самостоятельно оценивать происходящие события, делать выводы. Жанровое задание его подобно заданию очеркиста: объективно воспроизвести факты, причем случайность некоторых из них признается. Автор не вмешивается в поток жизни, принимает ее такой, какая она есть, следуя «живой» действительности, претендуя на подлинность изображаемого, на что указывает подзаголовок, наличие прототипов, географическая закреплённость, достоверность фактов, создание коллективного портрета. Следовательно, история провинциального городка дана в мелких связях, восходящих к общему.

Писательница не скрывает свою точку зрения, что обогащает собственно-изобразительное в повествовании. Тем не менее автор, выступая в качестве повествователя, нигде открыто не выходит на страницы романа. Разумеется, такой способ свойствен прозе вообще, но в очерковом произведении положение повествователя закреплёно конкретно по отношению к происходящему: очевидец прошлого, эстетизирующий факт. Названный очерковый принцип выдерживается в романе Н. А. Лухмановой.

Авторское сознание не освещает «все» и «вся» в произведении. Подчеркнутое равенство — автор и читатель — сохраняется, и лишь в конце романа, когда читатель уже имеет сложившееся представление о героях, мире их отношений, автор позволяет себе высказаться открыто, оценивая «достоинства» детей: «Цивилизация привилась к этой молодежи поверхностно, костюмно, а наука была для них только приспособлением к более верному и спокойному добыванию денег» [1, с. 251].

В романе, при условии жанровой чистоты (явления чрезвычайно редкого в литературной практике) несколько «языковых» пластов — «героя», «действительности», «автора». В очерке ценностная дистанция едина для всех персонажей и постоянна. В исследуемом романе Н. А. Лухманова чаще всего исключает то, что противоречит взгляду наблюдателя. Такая позиция применялась в литературном процессе конца XIX в. в качестве художественного приема, например, в произведениях Н. С. Лескова.

Однако в романе «В глухих местах» наличествует переплетение речи повествователя и несобственно-прямой речи персонажей. Романский принцип несколько ограничен намеренной стилиевой близостью «носителей речи». Объединяет их стремление к использованию пословиц и поговорок. В речи повествователя: «место хвалить погодить», «на грош пятаков наменять норовит», «не то обидно, что в доме рот лишней, не объест, а то, что в чужом рту чужой язык звонит». Включаются поговорки и в несобственно-прямую речь героев: «человек-то молчком, а нужда-то его толчком», «веру переменить не рубаху сменить» и т. д. Пословицы воплощают коллективный опыт этноса [12] и представляют языковые особенности жителя Сибири.

Речь повествователя изобилует просторечными словами и выражениями, часто значение слов не совпадает с литературной нормой, нарушаются синтаксические связи, что максимально приближает авторское повествование к разговорной речи жителя территории: «за напраслину обносят их», «гужевые-то не любят ночлег держать» и т. д. Автор не стремится встать над персонажами, пытается приблизиться к народному типу мышления и речи (в сцене смерти Савки, похода гужевых), воплощая «голос места». Но при изображении заводчиков и духовенства повествователь удален в строе своей речи от персонажей, язык его отвечает литературной норме. И в этом проявление авторской позиции, оценка социальных отношений, угол зрения на предмет изображения.

Романские принципы заметно потеснены очерковыми в произведении Н. А. Лухмановой. Динамика повествовательных жанров русской прозы 90-х гг. XIX в. пробудила к жизни новую жанровую модификацию — роман-очерк. Названные процессы жанровой динамики оказали свое влияние на роман XX века, во многом определив художественный поиск А. М. Горького, М. А. Шолохова, А. Н. Толстого, В. А. Солоухина [13] и многих других.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лухманова Н. А. В глухих местах // Очерки жизни в Сибири. СПб, 1896. 298 с.
2. Ertner E. N., Ertner D. E. La ville sibérienne dans la prose russe de la fin du XIX-e au début du XX-e siècle // Cultures et valeurs: La transmission des discours, des objets et des pratiques. Toulouse: Université Jean-Jaurès, 2015. P. 363-370.
3. Беспалова Л. Г., Беспалова Ю. М. Тюменский край и писатели XVII-XIX вв. Екатеринбург, 1998. 464 с.
4. Бахтин М. М. Эпос и роман. СПб., 2000. 298 с.
5. Лихачев Д. С. Историческая поэтика русской литературы. СПб., 1977. 508 с.
6. Фридлиндер Г. М. Поэтика русского реализма. Л., 1971. 294 с.
7. Дергачев И. А. Динамика повествовательных жанров русской прозы 70-90-х годов XIX века // Проблемы типологии реализма. Свердловск, 1976. С. 3-17.
8. Гусев В. А. Взаимодействие жанров в русской прозе конца XIX века // Жанры русского реализма. Днепропетровск, 1986. С. 108-135.
9. Коптева Э. И. Генезис и жанровая динамика философско-художественных форм в русской прозе конца XVIII — начала XIX века: дис. ...д-ра филол. наук. Омск, 2012 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dissercat.com/content/genezis-i-zhanrovaya-dinamika-filosofsko-khudozhestvennykh-form-v-russkoi-proze-kontsa-xviii>.
10. Ахундова Б. А. О лирическом романе А. П. Чехова // Литературные направления и стили. М., 1976. С. 276-287.
11. Силард Л. Герметизм и герменевтика. СПб., 2002. 328 с.
12. Эртнер Е. Н. Метафорическая интенция в прозе Романа Ругина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2014. № 1. С. 131-137.
13. Бельская Н. С., Эртнер Е. Н. Проблема жанрового синтеза в прозе В. А. Солоухина 1960-х гг. («Письма из Русского музея», «Созерцание чуда») // Лучшие выпускные квалификационные работы 2012 года: Сборник статей на основе лучших выпускных квалификационных работ в 3 частях. Сер. «Гуманитарное направление» / ответственный редактор: Л. М. Волосникова. Тюмень, 2013. С. 134-143.

REFERENCES

1. Luhmanova, N. A. V gluhih mestah // Ocherki zhizni v Sibiri [In remote places // Sketches of life in Siberia]. St. Petersburg, 1896. 298 p. (in Russian)
2. Ertner, E. N., Ertner, D. E. La ville sibérienne dans la prose russe de la fin du XIX-e au début du XX-e siècle // Cultures et valeurs: La transmission des discours, des objets et des pratiques. Toulouse: Université Jean-Jaurès, 2015. P. 363-370.
3. Bepalova, L. G., Bepalova, Yu. M. Tjumenskij kraj i pisateli XVII-XIX vekov [Tyumen region and writers of the 17th-19th centuries]. Ekaterinburg, 1998. 464 p. (in Russian)
4. Bakhtin, M. M. Epos i roman [The epic novel and the novel]. SPb., 2000. 298 p. (in Russian)
5. Likhachev, D. S. Istoricheskaja poetika russkoj literatury [Historical poetics of Russian literature]. SPb., 1977. 508 p. (in Russian)

6. Friedlander, G. M. Poetika russkogo realizma [Poetics of Russian realism]. L., 1971. 294 p. (in Russian)
7. Dergachov, I. A. Dinamika povestvovatel'nyh zhanrov russkoj prozy 70-90-h godov XIX veka // Problemy tipologii realizma [Dynamics of Russian prose narrative genres of the 1870-1890s // Problems of Typology of realism]. Sverdlovsk, 1976. Pp. 3-17. (in Russian)
8. Gusev, V. A. Vzaimodejstvie zhanrov v russkoj proze konca XIX veka // Zhanry russkogo realizma [Interaction of genres in Russian prose of the end of the 19th century // Genres of Russian realism]. Dnepropetrovsk, 1986. Pp. 108-135. (in Russian)
9. Kopteva, E. I. Genezis i zhanrovaja dinamika filosofsko-hudozhestvennyh form v russkoj proze konca XVIII — nachala XIX veka: dis. ... d-ra filol. nauk [Genesis and genre dynamics of philosophical and artistic forms in Russian prose of the late 18th — early 19th century: dis. ... Dr. Sci. (Philol.)]. Omsk, 2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.dissercat.com/content/genezis-i-zhanrovaya-dinamika-filosofsko-hudozhestvennykh-form-v-russkoi-proze-kontsa-xviii>. (in Russian)
10. Akhundov, B. A. O liricheskom romane A.P. Chehova // Literaturnye napravlenija i stili [On the lyrical novel by Anton Chekhov // Literary trends and styles]. M., 1976. Pp. 276-287. (in Russian)
11. Szilard, L. Germetizm i germenevtika [Hermeticism and Hermeneutics]. SPb., 2002. 328 p. (in Russian)
12. Ertner, E. N. Metaforicheskaia intencija v proze Romana Rugina [Metaphorical intention in the prose by Roman Rugin] // Tyumen State University Herald. Humanities. 2014. № 1. Pp. 131-137. (in Russian)
13. Bel'skaya, N. S., Ertner E. N. Problema zhanrovogo sinteza v proze V. A. Solouhina 1960-h gg. («Pis'ma iz Russkogo muzeja», «Sozercanie chuda») // Luchshie vypusknje kvalifikacionnye raboty 2012 goda. Sbornik statej na osnove luchshih vypusknih kvalifikacionnyh rabot v 3 chastjah. Ser. «Gumanitarnoe napravlenie» / otvetstvennyj redaktor: L.M. Volosnikova [The problem of genre fusion in the prose by V. A. Solouhin, 1960s («Letters from the Russian Museum», «The contemplation of the miracle») // The best final qualification papers of 2012. Collection of articles on the basis of the best final qualification papers in 3 parts. Ser. «Humanities» / executive editor: L. M. Volosnikova]. Tyumen, 2013. Pp. 134-143. (in Russian)

Автор публикации

Елена Николаевна Эртнер — директор Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета, заведующая кафедрой русской литературы, доктор филологических наук, профессор

Author of the publication

Elena N. Ertner — Dr. Sci. (Philol.), Professor, Russian Literature Department, Institute for Philology and Journalism, Tyumen State University